

Иван Панаев

Стихотворения



Иван Иванович Панаев

Стихотворения

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=660225

Поэты 1840-1850-х годов Библиотека поэта. Большая серия. Второе издание: Советский писатель; Л.: 1972

Аннотация

«Красоты ее мятежной
В душу льется острый яд...
Девы чудной, неизбежной
Соблазнительен небрежный
И рассчитанный наряд!...»

Содержание

Биографическая справка	5
К чудной деве	9
К друзьям	10
Наполеон	11
К азиатке	13
Могила	15
Серенада	16
К***	18
Requiem [2]	19
Два отрывка из большой драматической грёзы «Доминикино Фети, или Непризнанный гений»	20
Действие первое	21
Действие седьмое	26
«Напрасно говорят, что я гонюсь за славой...»	32
Будто из Гейне	33
«Ты мне всё шепчешь...»	34
К Фанни Эльслер	35
Серенада	37
Греческое стихотворение	39
Поэт	41
«В безумных оргиях уходит жизнь, как сон...»	43
Сельская тишина	44
На дороге	46

Она и я

48

Far-niente [3]

50

Иван Иванович Панаев

Стихотворения

Биографическая справка

Иван Иванович Панаев родился 15 марта 1812 года в Петербурге, в родовитой и богатой дворянской семье. С 1824 по 1830 год он учился в Благородном пансионе при Петербургском университете. Окончив пансион, Панаев поступил на службу в департамент государственного казначейства, а в 1834 году перешел в департамент народного просвещения, где состоял при редакции «Журнала министерства народного просвещения». Выйдя к 1845 году в отставку, он целиком занялся литературой. Умер Панаев в Петербурге 18 февраля 1862 года.

Первые литературные опыты Панаева относятся ко времени учения в пансионе, где он писал стихи и редактировал ученический журнал. Первое стихотворение Панаева было напечатано в 1828 году («Кокетка», в «Северной пчеле» № 61). Затем в различных изданиях появилось еще несколько бледных, подражательных стихотворений. В зрелые годы Панаев лирических стихов не публиковал и, видимо, не писал. Как прозаик он выступил в 1834 году, сотрудничая в «Библиотеке для чтения», «Сыне отечества», «Отечествен-

ных записках» и других периодических изданиях и альманахах. Ранние рассказы и повести написаны им под влиянием романтической прозы А. Марлинского.

Решающую роль в становлении Панаева как писателя сыграло его знакомство с Белинским (1839), которое переросло затем в дружбу.

Преодолев увлечение романтизмом, Панаев начинает создавать бытовые нравоописательные очерки и рассказы, находя темы в окружающей жизни, и становится одним из зачинателей, а затем и виднейших представителей «натуральной школы».

В 1839 году Панаев сделался одним из ведущих сотрудников «Отечественных записок», которыми фактически руководил тогда Белинский. Он напечатал в журнале «физиологические» очерки, ряд повестей и рассказов. Большой успех у современников имели «Онагр» (1841), «Актеон» (1842), «Литературная тля» (1843) и другие. Главная тема зрелого творчества Панаева – сатирическое изображение столичного аристократического общества и провинциального дворянства, нравов литературной среды.

В 1847 году вместе с Некрасовым Панаев стал издателем-редактором журнала «Современник» и оставался на этом посту до конца жизни. В «Современнике» он напечатал повесть «Родственники» (1847), роман «Львы в провинции» (1852). Под псевдонимом «Новый поэт» Панаев опубликовал в журнале множество обзоров, фельетонов, очер-

ков. В 1851—1855 годах он вел ежемесячное обозрение «Заметки и размышления Нового поэта по поводу русской журналистики», а в 1855—1861 годах – «Петербургская жизнь. Заметки «Нового поэта»».

Последние годы жизни Панаев писал мемуары. Ему принадлежат «Воспоминания о Белинском» (1860) и «Литературные воспоминания» (1861).

Немалую известность Панаев приобрел как поэт-пародист. Первые его пародии появились в «Отечественных записках» в 1843 году и печатались сначала там, а затем в «Современнике» – в фельетонах Нового поэта или отдельно. Пародии Нового поэта направлены против всего застойного, бесцветного в русской поэзии 40-х – первой половины 50-х годов, прежде всего – против эпигонов романтизма и сторонников «чистого искусства». Излюбленные объекты его пародий – Бенедиктов, Кукольник, в оценке которых Новый поэт был близок к Белинскому, затем – Щербина, Ростопчина и др.

Итогом деятельности Панаева-пародиста явился сборник «Собрание стихотворений Нового поэта» (СПб., 1855).¹ С большей полнотой пародии Панаева собраны в пятом томе его шеститомного «Первого полного собрания сочинений» (СПб., 1888—1889); здесь же помещено несколько ран-

¹ В сборник, кроме пародий Панаева, вошло несколько, написанных Некрасовым (см. в кн.: Б. Я. Бухштаб, Библиографические разыскания по русской литературе XIX века, М., 1966, с. 78—90).

них лирических стихотворений Панаева.

К чудной деве

Красоты ее мятежной
В душу льется острый яд...
Девы чудной, неизбежной
Соблазнительен небрежный
И рассчитанный наряд!
Из очей ее бьет пламень,
Рвется огненный фонтан,
А наместо сердца – камень
Искусительнице дан!
Ею движет дух нечистый,
В ней клокочет самый ад —
И до пят косы волнистой
Вороненый бьет каскад.
Всё в ней чудо, всё в ней диво:
Ласка, гнев или укор
И блестящий, прихотливый,
Искрометный разговор...
Он стоял в ее уборной,
Страстно ей смотрел в лицо
И, страдая, ус свой черный
Всё закручивал в кольцо.
<1842>

К друзьям

Где вы, товарищи? Куда занес вас рок?
Вы помните ль, как мы, хмельной отваги полны,
Собравшись в дружески-отчаянный кружок,
Шумели, будто бы в речном разливе волны?
Тех дней не воротить! Всею своя пора!..
Они исчезнули, как светлое виденье...
Блажен, кто пьянствовал от ночи до утра,
Из бочек черпая любовь и вдохновенье!
Блажен, стократ блажен!.. Встречая Новый год,
В мечте я прошлые года переживаю,
Беспечные года возвышенных забот,
И издалёка к вам, товарищи, зываю!
Примите дружески-бурсацкий мой привет,
Порыв души моей студенческой и чистой, –
Студенческой, друзья (хотя мне сорок лет)!
За ваше здравие и счастье ваш поэт
Пьет херес бархатный и чудно-маслянистый!
<1842>

Наполеон

....

Фосфорным светом вдохновений
Его блистает голова...
Вот он, вот он, сей чудный гений,
Чьи громоносные слова
Европа с ужасом внимала;
Пред кем, безмолвная, она,
Склонясь во прахе, трепетала
И колыхалась, как волна!
Зарытый в мечты и окутанный мглою,
Один на горе, исполин, он стоит...
Заутра он двинет полки свои к бою,
И кто, дерзновенный, пред ним устоит?..
Отважный виновник отчаянной брани,
Вперяя в грядущее стрелы очей,
Внимая свист ядер и гром восклицаний,
Он сердцем ликует при звуке мечей!
О гигант огнегремучий!
Разрывая бурей тучи,
Ты погибелью дышал!..
Как орел мощно-крылатый,
Мир в когтях своих держал
И, как он, сей царь пернатый,
Гордо в облаках ширял!

Над стихией ты смеялся,
Громом, как Зевес, играл,
В ризы молний облачался
И вселенной потрясал!..

.....

.....

.....

И что ж, титан, с тобою совершилось?
Звезда твоя за тучу закатилась...
Разверзлось гибели жерло,
И поле битвы осветилось
Кровавым солнцем Ватерло!
Державный исполин промчался меж полками,
Блеснув очей своих победными лучами.
Он двинул гвардию – и вот раздался гром,
И, руки уложив на грудь свою крестом,
Он с думой мрачною и царственно-глубокой
С холма взирал на бой, недвижимый, одинокой!
Земля застонала, земля задрожала,
Как море, ее воздымается грудь;
Вот молния, вспыхнув, в дыму засверкала
И смерти широкий очистила путь.
И рыщет смерть, и гибельный свинец
В рядах бестрепетных творит опустошенье...
Уж близко замыслов гигантское крушенье...
И на главе его колеблется венец!

.....

<1843>

К азиатке

Вот она – звезда Востока,
Неба жаркого цветок!
В сердце девы страстноокой
Льется пламени поток!
Груди бьются, будто волны,
Пух на девственных щеках,
И, роскошной неги полны,
Рдеют розы на устах;
Брови черные дугою,
И зубов жемчужный ряд,
Очи – звезды подо мглою —
Провозвестники отрад!
Всё любовью огнистой,
Сумасбродством дышит в ней.
И курчаво-смолянистой
На плече побег кудрей...
Дева юга! пред тобою
Бездыханен я стою:
Взором адским как стрелою
Ты пронзила грудь мою!..
Этим взором, этим взглядом,
Чаровница! ты мне вновь
Азиатским злейшим ядом
Отравила в сердце кровь!..

<1843>

Могила

С эффектом громовым, победно и мятежно
Ты в мире пронеслась кометой неизбежной,
И бедных юношей толпами наповал,
Как молния, твой взгляд и жег, и убивал!
Я помню этот взгляд фосфорно-ядовитый,
И локон смоляной, твоим искусством взбитый,
Небрежно падавший до раскаленных плеч,
И пламенем страстей клокочущую речь;
Двухолмной груди блеск и узкой ножки стройность,
Во всех движениях разгар и беспокойность,
И припекавшие лобзаннями уста —
Венец красы твоей, о дева-красота!
Я помню этот миг, когда, царица бала,
По льду паркетному сильфидой ты летала
И как, дыхание в груди моей тая,
Взирая на тебя, страдал и рвался я,
Как ныне рвуся я, безумец одинокой,
Над сей могилою заглохшей и далекой.
<1846>

Серенада

В томной неге утопая,
Сладострастия полна,
Лунным светом облитая,
Вот Севилья, вот она!

Упоительно-прекрасен
И вкушая сладкий мир,
Вот он блещет, горд и ясен,
Голубой Гвадалквивир!

Близ порфировых ступеней,
Над заснувшею водой,
Там, где две сплелись сирени, –
Андалузец молодой:

Шляпа с длинными полями,
Плащ закинут за плечо,
Две морщины над бровями,
Взор сверкает горячо.

Под плащом его – гитара
И кинжал – надежный друг;
В мыслях – только донья Клара...
Чу! – и вдруг гитары звук.

С первым звуком у балкона
Промелькнула будто тень...
То она, в тени лимона,
Хороша как ясный день!

То она! И он трепещет,
Звуки льет как соловей,
Заливается – и мещет
Огонь и пламень из очей.

Донья внемлет в упоеньи,
Ей отраднo и легко...
В этих звуках, в этом пеньи
Всё так страстно-глубоко!

Под покровом темной ночи,
Песни пламенной в ответ,
Потупляя скромно очи,
Донья бросила букет.

В томной неге утопая,
Сладострастия полна,
Лунным светом облитая,
Вот Севилья, вот она!

<1846>

К***

Почтительно люблююся тобою
Издалека... Ты яркой красотою,
Как пышный цвет, торжественно полна,
Ты царственно, ты дивно создана!

Промчишься ли в блистающей карете —
Тобою бескорыстно вдохновлен,
Творю тебе обычный мой поклон,
Нимало не заботясь об ответе.

Окружена поклонников толпой,
Сидишь ли ты в великолепной ложе,
Я думаю: «Как хороша, о, боже!»,
Едва восторг удерживая мой.

Души моей высокое стремленье,
Мой драгоценный, задушевный клад!
Брось на меня хоть ненароком взгляд, —
Твой каждый взгляд родит стихотворенье!
<1846>

Requiem ²

В ушах моих requiem страшно звучал,
И мрачно на улицах было,
Лишь там наверху огонек чуть мерцал
Сквозь красную штору у милой.

И холод по жилам моим пробежал,
И сердце болезненно сжалось;
Я более года ее не видал...
Что с ней, с моей милою, случилось?

Темна была ночь, ночь была холодна,
И ветер свистел так уныло...
В гробу как живая лежала она,
И полночь на башне пробило.
<1846>

² Реквием (лат.). – Ред.

Два отрывка из большой драматической грезы «Доминикино Фети, или Непризнанный гений»

Сия драматическая греза, как усмотрит читатель, требовала обширной эрудиции. Герой ее – художник римской школы, родившийся в 1589 году и умерший в 1624 году.

Действие первое

Выход 2

1609

Картинная галерея в Мантуе. Доминикино Фети прохаживается по зале в глубокой и многозначительной задумчивости. На глазах его живительные слезы. Вдруг он останавливается, поднимая руки горе, перед картиною Джулио Романо.

Фети:

Гори огнем священным, сердце,
Гори! Мне любо и легко взирать
На дивные создания искусства!
О Джулио Романо! О великий мастер!
Ты, кистью чародейственной владея,
В красе и блеске состязался с небом!
Во прах, во прах перед твоим талантом! *(Упадает на колени перед картиной. Через немного времени встает, отряхнется, протирает глаза. Холодный пот льется по его челу. Он снова смотрит на картину и, преисполняясь восторгом, начинает скакать и прыгать, напевая)*
О Романо! О Романо!
Это диво – не картина!
Чудо мысли, исполненья,

Страсти, силы, вдохновенья...

И легко и вместе жутко.

Дрожь по телу пробегает,

Искры сыплются из глаз,

И пленительные звуки,

Расплетаясь и сплетаясь,

Будто змеи обвивают

Утлый, бранный мой состав!

Страшно! Дивная минута!

Тра-ля-ля! Тра-ля-ля! *(В изнеможении упадает на стул. Затем величественно поднимается и произносит медленно и строго)*

Условия искусства глубоки!

И путь его исполнен бурь и терний.

Художник – не ремесленник. Он должен

Прежде всего иметь запас идей и нечто,

(сжимаемая руку в кулак)

Что избранным из избранных дается.

Я чувствую во мне есть это нечто...

В груди растет зиждательная сила,

По жилам вместо крови льется огонь...

Не для земной и мимолетной славы

Я предаюсь великому искусству,

Не для себя, не для людей – для бога!

И жизнь моя пойдет легко и плавно,

Озарена священным вдохновеньем...

Спасибо Джулио Романо! Он

Мне указал мое предназначенье;

Двукратное – и от души спасибо

Великому!.. . .

Во все продолжение времени, покуда, под наитием художнического восторга, Доминикино Фети говорил, скакал и прыгал, в глубине галереи стояла не замеченная им девушка Анунциата, с умилением взиравшая на него.

Анунциата:

(про себя)

Как он хорош сегодня!

Он облит весь лучами вдохновенья,

И блеск в очах, и гордая улыбка...

(Невольно громко)

О Доминикино!

Фети:

(будто просыпаясь)

Кто звал меня?..

(Озирается... и, с удивлением увидев Анунциату, подходит к ней робко, с потупленным взором.)

Анунциата! вы ли? Как! откуда?..

Анунциата:

(приседая с застенчивостию)

Синьор художник... боже... извините...

Я здесь нечаянно...

Фети:

Анунциата!

Долгое и красноречивое молчание. Лицо Анунциаты постепенно одушевляется, глаза ее начинают сверкать, стан выпрямляется, правая рука поднимается торжественно. Во всей позе ее что-то прекрасное... Она смотрит на Фети и говорит.

Анунциата:

Великий боже! Что со мною? Я дрожу.

(Громко и сильно)

Внимай, внимай пророческому слову,

Из уст моих ты слышишь голос свыше.

Страшный путь ты избрал, Фети!

И на избранном пути

Для тебя расставят сети

Злоба, зависть; но идти

Должен ты по нем, лелея

Светлый, чистый идеал,

Не ропща и не робея;

Бог тебя сюда призвал...

Для великого!.. А люди...
Но ты пиши не для суда мирского,
Бессмыслен и пристрастен суд людей...
Есть суд другой – и есть другое слово...
Его-то ты вполне уразумей!
(Исчезает.)

Доминик, пораженный сими словами, пребывает с минуту безмолвен, с опущенной головой. Потом поднимает голову, ища глазами Анунциату.

Фети:

О дивное, прекрасное явление!
О неземная!.. Где ты? погоди,
Не улетай... Благодарю, создатель!
В ее устах твое звучало слово!..
Мне слышатся еще досель те звуки
Гармонии чистейшей!.. Как светло!..
Как хочется мне плакать и молиться!
Как грудь кипит! Как сердце шибко бьется,
Рука к холсту невольно так и рвется...
Мой час настал. Великий, дивный час!..
За кисть, за кисть, Доминикино Фети!..
(Убегает.)

Действие седьмое

Выход предпоследний

Через пятнадцать лет после предшествовавшей сцены. В Риме, в мастерской художника.

Фети:

(худой и бледный, пишет картину и вдруг останавливается, мрачно поводя глазами)

Нет, конечно, остыло вдохновенье...

Не воротить минувшее мгновенье!..

(Толкает ногою станок, на котором стоит картина.

Картина падает.)

Прочь с глаз моих!.. Ну, веселитесь, люди!

(Рвет в бешенстве кисть, бросает ее и топчет ногами.)

Собирайтесь смотреть на мой позор...

И вы, завистники с змеиного улыбкой,

Художники! Собирайтесь сюда!..

Коварное, слепое провиденье!

Зачем сей путь ты указало мне?

Обман и ложь – и на земле и в небе!

Я изнемог!.. Довольно... Нету сил;

Червь внутренний мне сердце источил!..

Башмачник я, ремесленник презренный,

А не художник, славой осиянный!

(Хохочет дико.)

Разбит во прах мой велелепный сон!

(Задумывается и через минуту)

А сон тот был и чуден, и прекрасен...

Казалось мне тогда, что я восстану

В лучах, в венце и в нестерпимом блеске,

Величием, как ризой, облачен

И молниєю славы опоясан!

Колебляся под куполом святыни,

Я радугу хотел сорвать с небес;

С природою я мыслил состязаться;

Пересоздать небесные светила,

Луну и солнце с неба перенести

На полотно. И кистью исполинской

Хаос, и тьму, и ад изобразить

На диво, страх и трепет человеку!..

Я мыслил сжать в одно произведение

Громадное – все божий миры!..

(Немного погодя)

Искусства царь, в регалиях моих

Я плавал бы над миром изумленным,

И на меня в немом благоговеньи

Смотрели б очи тысячи людей...

И голос мой тогда бы с высоты,

Подобно грому божьему, раздался:

О люди, на колени!.. Не предо мною, люди, –

Пред искусством!..

.. А ныне что я?

....

(Приближает к себе бутылку с вином и, указывая на нее)

Вот что теперь единственный мой друг,

Единственное благо мне дающий, –
Забвение...

(Пьет.)

Как сладко в душу льется
Живительный и пурпуровый сок!
Как весело мечтается и пьется!..

*(Выпивает залпом несколько стаканов вина и по
некотором молчании)*

Что вижу я?.. Окрест меня собрались
Архистратиги дивные искусства,
Великие!.. Так точно, это он,
Божественный творец «Преображенья»,
И он, создатель «Страшного суда» —
Сей строгий и суровый Бонаротти...
Вот нежный, утонченный Гвидо Рени...
Страдалец вдохновенный Цампиери —
Мой гениальный тезка – также здесь...

(Еще пьет.)

И все они с любовью и с почтеньем
Торжественно взирают на меня
И говорят: «Достойный наш собрат!
Наполнив наши кубки золотые,
Мы чокнемся во здравие искусства,
Обнимемся – и вместе в путь пойдём
К сияющему храму вечной славы...
Мы гении, мы высшие земли!
Во храме том мы с гордостью воссядем
На благовонных лавровых венках,
Амврозией хвалений упиваясь,

И будем трактовать лишь об искусстве,
Зане другая речь нам неприлична...»

Долгое молчание.

Опять мечта... Проклятая мечта!..
Вы, демоны, смеетесь надо мною?..
Ну, смейтесь, смейтесь, – я и сам смеюсь.

Удар грома.

Сильнее, гром! Тебе не заглушить
Стенания растерзанного сердца!..

Другой удар сильнее.

Вот так! И то не громко; посильнее!..
О, если б мне стихии покорялись!..
Одним ударом я б разрушил мир
И молнией спалил бы все картины...
Пусть гибнет всё... Пощады ничему!
И первое погибни ты, искусство!..
Искусство – вздор... Оно на дне бутылки,
Вот где оно, искусство!.. Пить и пить...
Страстям своим... отважно предаваться,
Роскошничать и в неге утопать —
Вот жизнь!.. И Рафаэль так жил...
И я...
(Засыпает.)

Гром и молния. Фети спит непробудным сном... Освещенная молнией, бледная и худая, с распущенной косой, появляется Анунциата и останавливается перед спящим Фети.

Анунциата:

БогохулиТЕЛЬ дерзкий!
И это ты, что обещал так много,
Ты, кем была я некогда горда,
Кому вполне безумно предавалась,
Кем я жила и страстно упивалась, –
И это ты, мой светлый идеал?
Проклятие! Ты дерзостно поправил
Святыню чувств, надежд и вдохновений,
Ты погубил в зародыше свой гений,
На полпути к бессмертию ты пал!

Фети просыпается и с ужасом смотрит на Анунциату.

Фети:

О боже! Прочь, ужасное виденье...
Анунциата!! Это страшный сон
Иль совести тревожное явление?!
Я без того разбит и сокрушен...
Анунциата, ты ли?..

Анунциата:

Это я!

Я – казнь, тебе ниспосланная свыше!

А! ты узнал меня!.. Да, это я, –

Твоя Анунциата!.. Это я,

Доминикино Фети!.. О, гляди, гляди,

Я мало изменилася. Не правда ль?

....

Проклятие, проклятие тебе!

Фети:

(упадая пред ней на колена)

Не проклинай! Не я, не я, а люди —

Виновники гибели моей!

У ног твоих позволь мне умереть,

Дай выплакать у ног твоих прощенье...

Не я, не я, – а люди!..

.....

<1846>

«Напрасно говорят, что я гонюсь за славой...»

Напрасно говорят, что я гонюсь за славой
И умствую. Меня никто не разгадал!
Нет, к голове моей чернокудрявой,
Венчанной миртами, ум вовсе не пристал.
Нет, что мне умствовать! К чему? Вопросы дня
И смысла здравого прямое направленье
Меня не трогают, не шевелят меня:
Когда в движеньи ум – мертво воображенье...
Не мир действительный – одни мне нужны грезы,
Одна поэзия душе моей нужна!
Порой салонный блеск, мазурка, полька, слезы,
Порою мрачный грот и томная луна...
При ослепительном и ярком свете бала,
С букетом ландышей и пышных тубероз,
Иль одинокая под сумраком берез,
Я с наслаждением мечтаю и мечтала.
Напрасно ж говорят, что я гонюсь за славой
И умствую... Меня никто не разгадал!
Нет, к голове моей чернокудрявой,
Я повторяю вам, ум вовсе не пристал.

Село Фекла

<1847>

Будто из Гейне

Густолиственных кленов аллея,
Для меня ты значенья полна:
Хороша и бледна, как лилея,
В той аллее стояла она.

И, головку склонивши уныло
И глотая слезу за слезой,
«Позабудь, если можно, что было», –
Прошептала, махнувши рукой.

На нее, как безумный, смотрел я,
И луна освещала ее;
Расставайся с нею, терял я
Всё блаженство, всё счастье мое!

Густолиственных кленов аллея,
Для меня ты значенья полна:
Хороша и бледна, как лилея,
В той аллее стояла она.
<1847>

«Ты мне всё шепчешь...»

Ты мне всё шепчешь: «Постой!»
Я говорю: «Для чего же?»
Что же вдруг случилось с тобой?
Ты простонала: «О боже!»

Дивный был ужин вчера!
Мы проболтали до ночи,
Но и расстаться пора:
Сон уж смежает нам очи.

Что ты всё смотришь кругом?
Что потупляю я взоры?
Долго мы были вдвоем,
Сладко вели разговоры.

Я виноват пред тобой,
Ты предо мною... Но что же?
Ты мне всё шепчешь: «Постой!»
Я говорю: «Для чего же?»
<1850>

К Фанни Эльслер
*Подражание одному
московскому стихотворцу*

Фанни милая порхала
Амазонкой и с ружьем,
Грациозно приседала
И летела напролом,
А сценические площадки
Света яркою струей
Освещали ее ножки.
Фанни! я поклонник твой!
Но не танцы и не пляски,
Силы полные, огня,
И не пламенные глазки
Озадачили меня...
Я люблю тебя, о Фанни!
Не за то, что легче лани
Ты порхаешь. Вовсе нет!
Не за эти прелесть-крошки
Восхитительные ножки,
А за то, что ты, на дрожки
Сев, поехала Москвой
Восхищаться. Взгляд твой зоркий
Упивался красотой

Самотёка, Лысой горки
И _Поклонною горой_...
Вот поэтому-то Фанни
Вдруг с ума свела меня...
Ей и дань рукоплесканий,
И. восторги... Да, тебя
Русским сердцем понял я!
1850

Серенада

Уж ночь, Акулина!
Окрестности спят;
Все жители Клина
Давно уж храпят.

Покушав наваги
И выпив потом
Целительной браги,
Я здесь, под окном!

Своей балалайкой
Тебя разбужу,
А Жучку нагайкой
Как сноп положу.

До нитки промочен.
Осенним дождем,
Я жду тебя очень
Давно под окном.

Надень душегрейку,
К окошку присядь,
Дай грусть мне злодейку
С тобой разогнать.

Какая причина,
Что темен твой дом?
А! вот и лучина
Зажглась за окном.
<1851>

Греческое стихотворение

Я лежал в Марафонских полях,
А гекзаметр горел на устах.
Наяву иль во сне, но, поэзии полн,
Видел где-то я там, вдалеке, при луне,
Блеск эгейских серебряных волн —
И чудесный процесс совершался во мне:
Пред мечтою моей проходил
Эврипид, и Софокл, и Эсхил...
Вспоминал я прелестные взоры
Живописной Аркадии дев,
Эримантоса дивные горы
И певцов беотийских напев
Под зеленым шатром сикоморы,
В честь Венеры пафосския храм,
Где у белой коринфской колонны,
Волю дав неудержным страстям,
Танцевали лесбийские жены...

И приятно ласкали мой взор
Парфенона краса и размеры,
И дымок, что вился из амфор,
И в плюще виноградном гетеры...
Там быстрее, чем из лука стрела,
Повершать с волей сильной и жгучей

На гражданской арене дела
К агоре мчался всадник кипучий...
Высоко возносился мой дух,
Я к Зевесу поднял свои руки,
А меж тем щекотали мой слух
Тетрахорды приятные звуки...
Кипарисы склонялись ко мне;
Перепутаны ветвью лианы,
Помавали главою платаны...
И, пылая в священном огне
И сливаясь с природой устами,
Я коснулся до лиры перстами...
И сознал, что, душою и мыслию грек,
Я элл_е_нов вполне понимаю;
Что каков ни на есть, а и я – человек
И в себе мирозданье вмещаю.
<1851>

Поэт

В пределах дальней высоты,
Где носятся планет плеяды
И звезд блистают мириады,
Он водрузил свои мечты;
Среди небесного объема,
Преград не зная ниотколь,
Он в облаках, в соседстве грома,
Земную позабыл юдоль.
Игру мирского треволненья
Он прихотливо пренебрег,
Но в бурном вихре вдохновенья
О братьях позабыть не мог.
Над ним таинственные мысли,
Как тучи черные, нависли;
И – телом прах, душой колосс,
Светило и надежда века —
Он погрузился весь в вопрос
О назначеньи человека...
Не тщетно он пытал судьбу,
Не тщетно он витал в эфире,
Печаль и тайную борьбу
На громкой возвещая лире...
Вдруг грянул колокол глухим
И перекатным звоном —

И медным языком своим,
С гуденьем и со стоном,
Вещал таинственный ответ,
Душе его понятный, –
И очутился вдруг поэт
В пустыне необъятной:
Кругом шумят толпы людей
С их суетностью дикой,
Но он один, как средь степей,
Угрюмый и великой! –
И всё, что радует других,
Ему смешно и ложно...
Да счастье для натур таких
Едва ли и возможно!..
<1851>

«В безумных оргиях уходит жизнь, как сон...»

В безумных оргиях уходит жизнь, как сон:

Шампанское с утра до ночи льется,

Крик, женщины, стаканов битых звон...

Хоть тяжело, а весело живется...

И страшно мне окончить жизнь в глуши,

И страшно мне теперь за труд приняться,

А _между тем_ на дне моей души

Глубокие вопросы шевелятся...

<1853>

Сельская тишина

Уж солнце медленно сокрылось за горою,
Означив свой закат огнистой полосой;
Прохлада чудная дневной сменила жар;
Над ближним озером поднялся белый пар,
И слышно в воздухе цветов благоуханье...
Природа нежится в таинственном молчаньи,
Лишь там, в запущенном, заглухнувшем саду,
Лягушки плещутся и квакают в пруду...
«Жить в сельской тишине – какое наслажденье,
Имея так, как я, доходное именье
И добрых мужичков, в определенный срок
Раз в год собирая с них умеренный оброк
И прибавляя всё – благодаренье богу! –
К наследью отчему землицы понемногу».
Так долго думал я и долго любовался
Природы красотой. Передо мной являлся
Порою Дормидон с небритой бородой,
Чтоб трубку вычистить, докуренную мной...
Но вот уж тень легла на нивы и поляны,
Вот месяц выглянул и, полный и румяный,
Бледнее и бледней на тверди голубой;
Вот пес откликнулся на крик сторожевой...
Дрема долит меня и очи мне смежает...
На сон грядущий мне постель готовят.

Пора и на покой, пора!.. Покушав плотно,
С какой приятностью, как сладко, беззаботно
Я лягу на постель и стану засыпать...

.....

1853

На дороге

Я еду просекой... Зеленою стеной
Деревья высятся направо и налево;
В проголинах лесных мелькают предо мной
Густые зелени недавнего посева.

Роскошный чернозем подернул падший лист.
Орешник пожелтел, и облетела роза...
Свежо... Лишь изредка раздастся только свист
И вдруг зашелестит плакучая береза.

Вся роща звуками и песнями полна.
Вот въехали в чаш_у_. Дорога сжалась узко...
Пронзительно кричит нахальная желна,
Трещит болтливый дрозд, и свищет трясогузка.

На темном ельнике краснеет ярко клен;
Сквозь листья резкою багровой полосой
Виднеется заря... Я в думу погружен,
И грудь моя полна безвыходной тоскою.

На срубленной сосне, насупившись, сидит
Ворона, каркая... И тяжело и больно!
Печальной осени кругом печальный вид
Припоминает мне прошедшее неволью.

Остановил коней, из брички вылез вон...
Стою... гляжу назад... А сердце так и гложет...
И всё мне кажется, как будто бы сквозь сон,
Что сразу угадать мой стих никто не может!..
<1854>

Она и я

Как луна, ты томна и прекрасна
И, как солнце, – ярка, горяча,
Благовонна, свежа, сладострастна —
В трепетаньи златого луча
И в дрожании звонкого звука
Поэтических песен моих!
Ты бессмертна!.. Бессмертью порука —
Гармонический, гордый мой стих,
Прославлявший тебя бесконечно...

Когда первой рассветной зарею,
У пруда наклонившись беспечно,
Увлажняешь ты лик свой водою —
Лик, подернутый легкой дремою, –
О! я твердью клянусь голубою,
Что горжусь в ту минуту тобою
Несравненно сильнее, чем собою!..

В голове моей мысли толпятся...
Музыкально-прекрасные звуки
На горячих устах шевелятся,
И, скрестивши торжественно руки,
Я твержу.: «Хоть я равен герою,
Но могучей атлета ступнею

Не сомну и ничтожнейшей травки;
Мироздания любуюсь красою,
Не задену мельчайшей козявки!»

Мимолетное духа явление,
Хоть я мыслию – мир обнимаю,
Но я в вечности – только мгновенье
И поэтому – атом творенья
Берегу – и из уст выдыхаю!..
<1855>

Far-niente ³

В сельце Валуевке он тридцать лет живет,
В известные часы травник целебный пьет
И кушает всегда три раза в день исправно
С супругою своей Федосьей Ермолавной.
Он после трапезы кур_и_т обыкновенно,
Привычкам следуя лет сорок неизменно;
Зевает, кашляет, сморкается, плюет,
Приподнимается – и опочить идет...

От беспокойных мух прикрыв свой тучный лик,
Он погружается в огромный пуховик
И спит до вечера. И жизнь так льется плавно...
Придет его будить Федосья Ермолавна,
И он поднимется; отекашею рукой
Укажет на стакан с брусничною водой
И выпьет залпом всё; потом почешет спину
И отправляется лениво на крыльцо,
Чтоб освежить свое заплывшее лицо...
Меж тем на водопой пригнали уж скотину,
Уж солнце клонится к закату – и порой
Из сада вдруг пахнет накошенной травой.
Сквозь рощу темную огонь заката блещет,
И каждый лист сквозит и радостно трепещет...

³ Безделье (итал.). – Ред.

<1855>